

УДК 811.161.1'42

А. В. Розсоха

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «СВОЙ»
В ИРОНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АРК. АВЕРЧЕНКО
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «НЯНЬКА»)**

В социально неоднородном обществе сложный, поливалентный концепт «свой» определяет границы между группами людей, объединёнными общими убеждениями, взглядами на систему ценностей и общим социальным происхождением, ориентирующим на определённые поведения.

В ироническом дискурсе, который в современных исследованиях называют «формой ухода от зависимости, некой ступенью или степенью свободы от того, что «навязывается», долженствует над нами, тревожит нас, находится в поле постоянного контроля» [1], концепт «свой» имеет специфическое наполнение, получающее конкретизацию в художественном тексте в фигуре лингвокультурного типажа.

По определению В. И. Карасика, работы которого составили методологическую основу нашего исследования [2; 3], «лингвокультурный типаж представляет собой обобщение и в этом плане включает стереотипные представления о типизируемой личности, с которой говорящий себя осознанно или неосознанно ассоциирует. В число стереотипных характеристик типажа входят и ценности, в соответствии с которыми типаж строит своё поведение. А ценности, как известно, представляют собой самые глубинные характеристики культуры» [2, с. 183].

Цель статьи — выявить специфику репрезентации (способы эксплицитной и имплицитной реализации) лингвокультурного типажа «свой» в ироническом дискурсе Арк. Аверченко на материале его рассказа «Нянька».

В текстах рассказов Арк. Аверченко маркером «свой», как правило, отмечен персонаж, оказавшийся по авторскому замыслу в такой ситуации, которая позволяет читателю наглядно представить жизненные установки и жизненный путь героя.

В рассказе Арк. Аверченко «Нянька» из сборника «О хороших, в сущности, людях» (1914 г.) лингвокультурный типаж «свой» реализуется в образе вора Мишки Саматохи, который неожиданно для себя становится «своим» в чуждом ему светском обществе — нянькой наивной шестилетней девочки Веры.

Обобщённые характеристики героев автор маркирует их именами. Прозвище Саматоха ассоциируется со словом «суматоха» и ориентирует читателя на мысль о неустроенности жизни героя. Грубовато-фамильярный вариант имени — Мишка — не перечёркивает

положительную символику производящего имени Михаил, широко известного в начале XX века, тем более, сам герой при знакомстве именуется «Михайлой». Верность наших наблюдений подтверждается сопоставлением авторских характеристик персонажей с толкованием их имён в именованном: «Михаилу свойственен логический склад ума. <...> В незнакомой обстановке он ориентируется быстро. <...> Очень добр в отношениях с детьми, не может ни в чём им отказать <...>. Михаил легок в общении, незлопамятен. <...>. Гармоничные отношения с обладателями имени ... Вера» (Источник: <http://www.calend.ru/names/0/0/105/>© Calend.ru). «Вера в детстве уравновешенная девочка, обладает логическим складом ума. ... капризов за ней не водится. <...> ... имеет хорошо организованный практический ум. Она способна трезво оценивать обстановку и проявляет сообразительность в конкретных делах...» (<http://www.calend.ru/names/0/0/201/>© Calend.ru).

Ряд маркеров в авторском нарративе разрушает оппозицию «свои — чужие», акцентируя внимание на том общем, что объединяет «чужих» по социальному происхождению, образу жизни и возрасту героев в группу «свои». Из краткого «жизнеописания» Мишки мы узнаём, что он «принципиальный противник строго обоснованных, хорошо разработанных планов»: «Если бы что-нибудь подвернулось под руку, он украл бы; если бы обстоятельства располагали к тому, чтобы ограбить, — Мишка Саматоха и от грабежа бы не отказался. Отчего же? Лишь бы после можно было легко удрать, продать «блатокаю» награбленное и напиться так, «чтобы чертям было тошно. Последняя фраза служила мерилем всех поступков Саматохи... Пил он, развратничал и дрался всегда с тем расчетом, чтобы «чертям было тошно». Иногда и его били, и опять-таки били так, что «чертям было тошно».

Поэтическая легенда, циркулирующая во всех благовоспитанных детских, гласит, что у каждого человека есть свой ангел, который радуется, когда человеку хорошо, и плачет, когда человека огорчают. Мишка Саматоха сам добровольно отрёкся от ангела, пригласил на его место целую партию чертей и поставил себе целью всё время держать их в состоянии хронической тошноты.

И, действительно, мишкиным чертям жилось не сладко» [4, с. 79—80].

Иронические ремарки автора напоминают взгляд взрослого на поступки ребёнка, и читатель понимает, что в душе Мишка так и остался заброшенным, одиноким ребёнком, которого становится жаль (вспомним и название сборника, в который входит этот рассказ, — «О хороших, в сущности, людях»). Забраться на чужую дачу Мишку заставляет голод.

Вера, такая же бесхозная, как и Мишка (её родители уехали в город, а нянька ушла на свидание к приказчику), воспринимает Мишку как «своего», но незнакомого. Замкнутый мир семьи, в котором она

живёт, не связан с реальностью: знания об этом неведомом для неё мире сфокусированы в виде «наставлений матери», которые можно легко трансформировать: если с незнакомыми разговаривать нельзя, нужно просто представиться.

Ритуал знакомства нарушает равновесие в оппозиции «свой — чужие», а диалог героев помогает им сблизиться:

«Маленькая девочка лет шести выкатилась откуда-то на сверкающую дорожку и, увидев полускрытого ветками кустов Саматоху, остановилась в глубокой задумчивости.

Так как ей были видны только Саматохины ноги, она прижала к груди тряпичную куклу, защищая это беспомощное создание от неведомой опасности, и, после некоторого колебания, бесстрашно спросила:

— Чьи это ноги?

Отодвинув ветку, Саматоха наклонился вперед и стал, в свою очередь, рассматривать девочку.

— Тебе чего нужно? — сурово спросил он, сообразив, что появление девочки и её громкий голосок могут разрушить все его пиратские планы.

— Это твои... ножки? — опять спросила девочка, из вежливости смягчив смысл первого вопроса.

— Мои.

— А что ты тут делаешь?

— Кадрель танцую, — придавая своему голосу выражение глубокой иронии, отвечал Саматоха.

— А чего же ты сидишь?

Чтобы не напугать зря ребенка, Саматоха проворчал:

— Не просижу места. Отдохну, да и пойду.

— Устал? — сочувственно сказала девочка, подходя ближе.

— Здорово устал. Аж чертям тошно.

Девочка потопталась на месте около Саматохи и, вспомнив светские наставления матери, утверждавшей, что с незнакомыми нельзя разговаривать, вежливо протянула Саматохе руку:

— Позвольте представиться: Вера.

Саматоха брезгливо пожал её крохотную ручонку своей корявой лапой, а девочка, как истый человек общества, поднесла к его носу и тряпичную куклу:

— Позвольте представить: Марфушка. Она не живая, не бойтесь. Тряпичная.

— Ну? — с ласковой грубоватостью, неискренно, в угоду девочке, удивился Саматоха. — Ишь ты, стерва какая.

Взгляд его заскользил по девочке, которая озабоченно вправляла в бок кукле высунувшуюся из зияющей раны папку.

«Что с неё толку! — скептически думал Саматоха. — Ни сережек, ни медальончика. Платье можно было бы содрать и башмаки, — да что за них там дадут? Да и визгу не оберешься».

— Смотри, какая у неё в боку дырка, — показала Вера.

— Кто же это ее пришил? — спросил Саматоха на своем родном языке.

— Не пришил, а сшил, — поправила Вера, — Няня сшила. А ну, поправь-ка ей бок. Я не могу» [4, с. 81—83].

Речевые характеристики Мишки и Веры устанавливают границы между ними только для читателя, который, благодаря автору, обладает большей информацией, чем коммуниканты. Воровской жаргон Мишки диссонирует с наивными и вежливыми репликами Веры: (« — Устал? — Здорово устал. Аж чертям тошно. — Позвольте представиться: Вера. Позвольте представить: Марфушка. Она не живая, не бойтесь. Тряпичная. — Ну? Ишь ты, стерва какая»). Девочка, идентифицируя Мишку как «своего» (для неё он просто «незнакомый», а не «чужой»), воспринимает слова лишь в прямом, известном ей значении (« — Кто же это её пришил? — Не пришил, а сшил»). Она не слышит и явно иронического ответа Мишки на свой вопрос: « — А что ты тут делаешь? — Кадрель танцюю»).

Наивность ребёнка заставляет Мишку «смягчиться» и осознать своё превосходство:

«Пожалуй, тут будет фарт», — подумал Саматоха, смягчаясь... — Эй, ты! Хошь я тебе гаданье покажу, а?

— А ну, покажи, — взвизгнула восторженно девочка.

— Ну, ладно. Да-кось руку... Ну, вот, видишь — ладошка. Во... Видишь, вон загибинка. Так по этой загибинке можно сказать, когда кто именинник.

— А ну-ка! Ни за что не угадаешь. Саматоха сделал вид, что напряженно рассматривает руку девочки.

— Гм! Сдается мне по этой загибинке, что ты именинница семнадцатого сентября. Верно?

— Веррно! — завизжала Вера, прыгая около Саматохи в бешеном восторге. — А ну-ка, на еще руку, скажи, когда мама именинница?

— Эх, ты, дядя! Нешто это по твоей руке угадаешь? Тут, брат, мамина рука требуется.

— Да мама сказала: в шесть часов приедет... Ты подождешь? » [4, с.84—85].

Сцена гадания по-настоящему сближает героев, хотя для читателя, знающего, что именины все Михаила и Веры празднуют в один день — 17 сентября, очевидна Мишкина нехитрая ложь.

«Лингвокультурный типаж, — замечает В.И. Карасик, — строит своё поведение в соответствии с ролевыми предписаниями. В этом смысле можно сказать, что роль как общая схема поведения составляет

основу содержания поступков типажа» [2, с. 182]. Мишка действительно принимает правила игры, которые придумывает Вера, понимая, что находится в безопасности. И это окончательно объединяет героев: Мишка полностью, хотя и безо всякого старания, «вписывается» в круг «своих» — гостей. Этот переход Мишки в иное качество снова подкреплён автором на уровне имени: и Вера, и автор теперь называют его «Миша»:

«Вера поставила перед гостем пустые тарелки, уселась напротив, подперла рукой щеку и затараторила:

— Кушайте, кушайте! Эти кухарки такие невозможные. Опять, кажется, котлеты пережарены. А ты, *Миша*, скажи: «благодарю вас, котлеты замечательные!»

— Да ведь котлет нет, — возразил практический *Миша*.

— Да это не надо... Это ведь игра такая. Ну, *Миша*, говори!» [4, с.85—86].

В авторской речи Саматоха назван Мишей только один раз, и то с эпитетом «практический», который подчёркивает ироничное отношение автора к мишкиным метаморфозам. Вера же искренне считает его другом, который пришёл в гости:

«Закутавшись салфеткой (полная имитация зябкой мамы, кутавшейся всегда в пуховой платок), Вера сидела напротив Саматохи и деятельно угощала его.

— Пожалуйста, кушайте. Не стесняйтесь, будьте как дома. Ах, уж эти кухарки, — опять пережарила пирог, — чистое наказание.

Она помолчала, выжидая реплики.

— Ну?

— Что ну?

— Что ж ты не говоришь?

— А что я буду говорить?

— Ты говори: «благодарю вас, пирог замечательный».

В угоду ей проголодавшийся Саматоха, запихивая огромный кусок пирога в рот, неуклюже пробасил:

— Благодарю вас... пирог знаменитый!

— Нет: замечательный!

— Ну, да. Замечательный.

— Выпейте еще рюмочку, пожалуйста. Без четырех избов угла не строится.

— Благодарю вас, водка замечательная.

— Ах, курица опять пережарена. Эти кухарки — чистое наказание.

— Благодарю вас, курица замечательная, — прогудел Саматоха, подчеркивая этим стереотипным ответом полное отсутствие фантазии.

— В этом году лето жаркое, — заметила хозяйка.

— Благодарю вас, лето замечательное. Я еще баночку выпью!

— Нельзя так, — строго сказала девочка. — Я сама должна предложить... Выпейте, пожалуйста, еще рюмочку... Не стесняйтесь. Ах, водка, кажется, очень горькая. Ах, уж эти кухарки. Позвольте, я вам тарелочку переменю.

Саматоха не увлекался игрой так, как хозяйка; не старался быть таким кропотливым и точным в деталях, как она. Поэтому, когда маленькая хозяйка отвернулась, он, вне всяких правил игры, сунул в карман серебряную вилку и ложку.

— Ну, достаточно, — сказал он. — Сыт.

— Ах, вы так мало ели!... Скушайте еще кусочек.

— Ну, будет там канитель тянуть, довольно. Я так налопался, что чертям тошно.

— Миша, Миша, — горестно воскликнула девочка, с укоризной глядя на своего большого друга.

— Разве так говорят? Надо сказать: «Нет, уж увольте, премного благодарен. Разрешите закурить?»

— Ну, ладно, ладно... Увольте, много благодарен, дай-ка папироску [4, с.86—88].

«Человек в языке проявляется прежде всего через своё коммуникативное поведение, а именно: через специфическое индивидуальное преломление произносительных норм, выбор определённой лексики и сознательный отказ от ряда слов и выражений, употребление определённых синтаксических оборотов, владение разными жанрами речи, индивидуальное паравербальное поведение (жесты, мимика, избираемые дистанции в общении и др.», — отмечает В.И.Карасик [2, с. 188]. Многочисленные повторы в речи маленькой хозяйки, перестановка слов (гипаллаг) в пословице «Без четырех углов изба не строится» → «Без четырех *избов* угла не строится», явно скопированной девочкой из речи взрослых, но не понимающей её смысла, бессодержательность, пустота «светского» диалога, видимо, всегда одного и того же и поэтому так легко воспроизведённого девочкой, говорят об ироничном отношении автора к светским «своим». Стереотипные мишкины ответы («водка замечательная», «пирог замечательный», «курица замечательная», «лето замечательное»), указывающие «на полное отсутствие фантазии», и разностилевая оформленность речи персонажей («благодарю вас», «пожалуйста, кушайте», «не стесняйтесь, будьте как дома», «позвольте, я вам тарелочку переменю», «кушайте еще кусочек», «выпейте, пожалуйста» в речи девочки и «пирог знаменитый», «ну, будет там канитель тянуть, довольно», «я так налопался, что чертям тошно», «увольте, много благодарен, дай-ка папироску» в речи Мишки), противопоставление «Вы» и «ты» общения в их диалоге усиливают ироничность сложившейся коммуникативной ситуации, подчёркивая, что Мишка стал «своим» для Веры лишь по мировосприятию, по складу души. Но именно духовная близость для автора является главным в общении людей, а

деление на «своих» и «чужих» по социальному происхождению и возрасту — просто игра.

Дальнейшее развитие сюжета подтверждает наши наблюдения: Вера предлагает поиграть в разбойников, жизнь которых для неё так же понятна, как и её собственная. Мишка же оказывается в затруднительном положении в привычном ему мире. «Это предложение поставило Мишу в некоторое затруднение. Что значит играть в разбойников? Такая игра с шестилетней девочкой казалась глупейшей профанацией его ремесла» [4, с.89].

Однако душевная чистота Мишки, объединяющая его с Верой в группу «свои», заставляет героя принять и эту игру, и наставления Веры, как надо играть в разбойников: «Хотя это было искажение всех разбойничьих приемов и традиций, но Саматоха и не брался быть их блюстителем» [4, с.89].

«Игра была превеселая. Верочка прыгала вокруг Саматохи и кричала:

— Пошел вон! Не смей трогать Марфушку! Возьми лучше мои драгоценности, только не убивай ее. Постой, а где же у тебя нож?

Саматоха привычным жестом полез за пазуху, но сейчас же сконфузился и пожал плечами.

— Можно и без ножа. Нарочно ж...

— Нет, я тебе лучше принесу из столовой.

— Только серебряный! — крикнул ей вдогонку Саматоха.

Игра кончилась тем, что, забрав часы, брошку и кольцо в обмен на драгоценную жизнь Марфушки, Саматоха сказал:

— А теперь я тебя как будто запроу в тюрьму.

— Что ты, Миша! — возразила на это девочка, хорошо, очевидно, изучившая, кроме светского этикета, и разбойничьи нравы. — Почему же меня в тюрьму? Ведь ты разбойник — тебя и надо в тюрьму» [4, с.90—91].

И всё же миры, в которых живут герои рассказа, разные, «чужие». Играя роль «своего», Мишка интуитивно чувствует это и стремится уберечь девочку от реальности: он забирает только то, что ему предлагает девочка в игре. Вопрос Веры «где же у тебя нож?» заставляет его сконфузиться.

Доведя игру до конца, Мишка уходит, а через несколько дней в парке, где гуляли дети с няньками, к изумлению окружающих, схватил лежащую на траве куклу и убежал. Ему хотелось поблагодарить Веру за то, что она увидела в нём хорошего человека, человека, о котором никто, кроме него самого, видимо, не знал: «На клочке бумаги были причудливо перемешаны печатные фразы афиши с рукописным творчеством Саматохи.

Читать можно было так:

«Многоуважаемая Вера! С дозволения начальства. Очень прошу не обижаться, что я ушел тогда. Было нельзя. Если бы кто-нибудь

вернулся — засыпался бы я. А ты девчонка знатная, понимаешь, что к чему. И прошу тебя получить... *бинокли у капельдинеров...* сью куклу, мною для тебя найденную на улице... Можешь не благодарить... *Артисты среди акта на аплодисменты не выходят...* уважаемого тобой Мишу С. А ложку то я забыл тогда вернуть! Прощ...» [4, с. 94—95].

Ирония, возникающая в результате смешения двух разножанровых текстов — текста афиши и записки, смешение разностилевой лексики и, как следствие, — игры смыслами, окрашивает текст лиризмом. Фраза из афиши «Артисты среди акта на аплодисменты не выходят» передаёт читателю сожаление автора о том, что игра закончена и что в жизни не так часто можно встретить действительно «своего» человека.

Проведенное исследование показало, что ирония как средство передачи оценочности направлена на формирование общественного сознания и вербализуется в речеповеденческих стереотипах лингвокультурного типажа. Имплицитно выраженное в диалоге автора с читателем противопоставление «человек — социум» становится фоном, помогающим автору эксплицитировать иронично-негативное отношение к светскому обществу, в котором лишь одинаковое социальное происхождение маркирует индивида как «своего».

Таким образом, лингвокультурный типаж «свой» в ироническом дискурсе Арк. Аверченко доминирует в концептуальной оппозиции «свой — чужие», являясь ключевым звеном в построении модели отношений «человек — человек».

Список использованной литературы

- 1. Александрова А. В.** Дискурс иронии в социокультурном контексте [Электронный ресурс] / А. В. Александрова. — Режим доступа к ресурсу : http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&=blog&id=71&Itemid=6.
- 2. Карасик В. И.** Языковые ключи / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2009. — 406 с.
- 3. Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2004. — 390 с.
- 4. Аверченко А. Т.** Молодняк : рассказы / А. Т. Аверченко. — М. : Дет. лит., 1992. — С. 79—95.

Розсоха А. В. Лінгвокультурний типаж «свій» в іронічному дискурсі Арк. Аверченка (на матеріалі оповідання «Нянька»)

У статті розглядаються засоби експліцитної та імпліцитної реалізації лінгвокультурного типажу «свій» в іронічному дискурсі Арк. Аверченка на матеріалі його оповідання «Нянька».

Полівалентний концепт «свій» у соціально неоднорідному суспільстві визначає межі між групами людей, які об'єднані загальними переконаннями, поглядами на систему цінностей і загальним соціальним походженням, що диктує моделі поведінки всім, хто потрапляє в ці групи.

В іронічному дискурсі Арк. Аверченка концепт «свій» конкретизується у фігурі лінгвокультурного типуажу і має певну специфіку, зумовлену як прагмалінгвістичними характеристиками цього дискурсу, так і світосприйняттям Арк. Аверченка.

Авторський нарратив руйнує концептуальну опозицію «свої — чужі», акцентуючи увагу на тому загальному, що об'єднує «чужих» за соціальним походженням, засобом життя та віком героїв до групи «свої».

Імплицитно виражене в діалозі автора з читачем протиставлення «людина — соціум» стає тлом, що допомагає автору експлікувати іронічно-негативне ставлення до світського суспільства, в якому лише однакове соціальне походження маркує індивіда як «свого».

У результаті проведеного дослідження автор статті приходять до висновку, що лінгвокультурний типаж «свій» в іронічному дискурсі Арк. Аверченка домінує в концептуальній опозиції «свої — чужі», бо є ключовою ланкою в побудові моделі відносин «людина — людина».

Ключові слова: іронічний дискурс, Арк. Аверченко, концептуальна опозиція «свої — чужі», концепт «свій», лінгвокультурний типаж «свій», мовні засоби створення іронії.

Розсоха А. В. Лингвокультурный типаж «свой» в ироническом дискурсе Арк. Аверченко (на материале рассказа «Нянька»)

В статье рассматриваются способы эксплицитной и имплицитной реализации лингвокультурного типажа «свой» в ироническом дискурсе Арк. Аверченко на материале его рассказа «Нянька».

Поливалентный концепт «свой» в социально неоднородном обществе определяет границы между группами людей, объединёнными общими убеждениями, взглядами на систему ценностей и общим социальным происхождением, диктующим модели поведения всем входящим в эти группы.

В ироническом дискурсе Арк. Аверченко концепт «свой» конкретизируется в фигуре лингвокультурного типажа и имеет определённую специфику, обусловленную как прагмалингвистическими характеристиками данного дискурса, так и мировосприятием Арк. Аверченко.

Авторский нарратив разрушает концептуальную опозицию «свои — чужие», акцентируя внимание на том общем, что объединяет «чужих» по социальному происхождению, образу жизни и возрасту героев в группу «свои».

Имплицитно выраженное в диалоге автора с читателем противопоставление «человек — социум» становится фоном, помогающим автору эксплицитно выразить иронично-негативное отношение к светскому обществу, в котором лишь одинаковое социальное происхождение маркирует индивида как «своего».

В результате проведённого исследования автор статьи приходит к выводу, что лингвокультурный типаж «свой» в ироническом дискурсе Арк. Аверченко доминирует в концептуальной оппозиции «свои — чужие», являясь ключевым звеном в построении модели отношений «человек — человек».

Ключевые слова: иронический дискурс, Арк. Аверченко, концептуальная оппозиция «свои — чужие», концепт «свой», лингвокультурный типаж «свой», языковые средства создания иронии.

Rozsokha A. V. The linguocultural character type «friend» in the ironic discourse of A. Averchenko (based on the story «Nanny»)

The article deals with the ways of explicit and implicit realisation of the linguocultural character type «friend» in the ironic discourse of A. Averchenko based on his story «Nanny».

The polyvalent concept «friend» in a socially heterogeneous society defines the borders between groups of people, united by their common beliefs, views on the value system and their common social origin that dictates the models of behaviour to everyone in these groups.

The concept «friend» in the ironic discourse of A. Averchenko is concretised in the figure of a linguocultural character type and has a certain specificity that's conditioned by both pragmatic and linguistic characteristics of the discourse and the world-view of A. Averchenko.

The author's narrative destroys the conceptual opposition «friend-or-foe», emphasising the common that unites «foes» in the group of «friends» by the social origin, way of life, age of the characters.

The opposition «person — society» that is implicitly expressed in the author's dialogue with the reader becomes a background, which helps the author express the ironically negative attitude towards the high-society, in which it is only the similar social origin that marks an individual as a «friend».

As a result of the research, the author of the article comes to the conclusion that the linguocultural character type «friend» in the ironic discourse of A. Averchenko dominates in the conceptual opposition, being the main link in building the relationship model «person — person».

Key words: ironic discourse of A. Averchenko, conceptual opposition «friend-or-foe», the concept «friend», linguocultural character type «friend», linguistic means of creating irony.

Стаття надійшла до редакції 27.09.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент — д. філол. н., проф. Синельникова Л. М.